

ATLASKIROV Albert Ruslanovich, *Cand.Sci. (Soc.)*, Senior Researcher, Kabardino-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Center for socio-political researches (2 Balkarova St, Nalchik, Kabardino-Balkar Republic, Russia, 360002; atlaskirov.albert@yandex.ru)

VIRTUAL GAME WORLD: DEMOCRACY, AUTHORITARIANISM AND REVOLUTIONS

Abstract. In the era of postmodernism, virtual games are no longer fun for young people. Modern games create universes and their members are also people of the middle generation who have a job, family, and children. If for young people the virtual gaming world is a space of momentary entertainment, then what are mature people guided by? The purpose of the article is to study the features of human interaction in the virtual game world. One of the world's most popular action-strategy games, Dawn of Titans, was chosen as the field for exploration. The game was chosen based on the fact that this genre (strategy) forms strong and long-term relationships among the members, and is less exposed to fragmentation and instability of social ties. The study reveals that for users the virtual game world is a space of leisure; place of escape from the problems of real life; means of acquaintance and communication; way for constructing desired personalities. The virtual game world is characterized by an important social stratification of users. It can also be noted that the peculiarities of the «natural» environment of the virtual space determine the predominant spread of democratic principles of managing game clans. The article suggests that in the future the virtual world in general and the virtual game world in particular, would become a place for the search for political subjectivity.

Keywords: virtual game, democracy, authoritarianism, social mobility, social stratification, youth, escapism

---

ПОЛЯНИНА Алла Керимовна — кандидат социологических наук, доцент Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (603950, Россия, г. Нижний Новгород, пр-кт Гагарина, 23); доцент Самарского государственного университета путей сообщения (603011, Россия, г. Нижний Новгород, Комсомольская пл., 3; Alker@yandex.ru)

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЗАЩИТА ДЕТЕЙ ОТ ВРЕДНОЙ ИНФОРМАЦИИ: АНАЛИЗ ТРЕХ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫХ ПРЕЦЕДЕНТОВ

Аннотация. В статье рассматривается эффективность деятельности органов государственной власти по обеспечению информационной безопасности детей. Автор проводит анализ текстов постановлений и официальных ответов на обращения по поводу нарушений законодательства о защите детей при обороте трех типов информационной продукции: видеопродукции, зрелищных мероприятий и печатной продукции. С целью получения официальных текстов были организованы три правоприменительных прецедента. Автор вводит понятие делегированной ответственности родителей и лиц, их заменяющих, за причинение вреда детям. В статье подчеркивается коллизия государственного гарантирования экономической свободы субъектов медиарынка и приоритета интересов детей в здоровом развитии.

Ключевые слова: информационная безопасность детей, девиантное медиаповедение, аномия, свобода информации, медиабезопасность детей, социальные риски

Обеспечение информационной безопасности детей в соответствии с законодательством РФ означает гарантирование «состояния защищенности детей, при котором отсутствует риск, связанный с причинением информацией

вреда их здоровью и (или) физическому, психическому, духовному, нравственному развитию»¹. Обеспечение информационной безопасности детей означает минимизацию риска причинения детям вреда от потребления информационной продукции. Субъектами обеспечения такого состояния защищенности выступают все участники оборота информационной продукции, а именно распространители (организаторы), потребители (зрители, читатели, слушатели) – дети и взрослые, государство в лице органов государственной власти. Ключевую роль в гарантировании состояния защищенности детей от информации играет государство в связи с монополией на применение юридической ответственности. Выявление основных факторов риска в поведении субъектов обеспечения безопасности, оценка степени рискогенности поведения хозяйствующих субъектов при распространении информации, а также при делегированном распространении (например, абонентом, приобретшим информационную продукцию для потребления в определенном кругу – в семье, в учебном заведении) есть важнейшая задача управляющего субъекта.

Понимание безопасности раскрывается через описание уровня и состояния защищенности объекта безопасности: во-первых, отсутствие опасности, во-вторых, минимизация или отсутствие факторов риска [Елфимова 2013: 53]. Мы разделяем точку зрения Т.В. Владимировой, согласно которой безопасность являет собою «свойство социального порядка сохранять и развивать самое себя в условиях девиантного поведения» [Владимирова 2016: 8], а информационная безопасность понимается как мера устойчивости социального порядка в условиях роста девиации, усиления девиантности в сочетании с интенсификацией информационных потоков в условиях высокой вариативности коммуникаций современного общества. Ключевой проблемой информационной безопасности является обострение противоречия между потребностью в устойчивости индивида (социального субъекта) и ростом девиаций в информационном пространстве, которое, в частности, выражается в усилении приоритета частного интереса над общим. Частный интерес в информационной области выражен, например, в свободном получении специфической медийной продукции (зачастую табуированной тематики), а общий интерес – в сохранении устойчивости социального порядка при помощи социальной нормы (сохранение табу). В этом смысле социальный порядок представляется системой социальных ограничений.

Следствием интенсификации коммуникаций и уплотнения (концентрирования) медиaproстранства современника является норматизация девиаций, когда безнормие само становится нормой, и появление «нормальной аномии» [Кравченко 2014: 5].

Сохранение устойчивости социальных отношений требует особой заботы со стороны государства как главного субъекта обеспечения публичных интересов. Государственное регулирование оборота информации являет собою совокупность практик по защите как частных интересов в виде права на девиацию, так и публичных интересов путем сохранения социальной нормы как условия социального порядка и стабильности. Иначе говоря, государство должно обеспечить баланс интересов – как право на свободу получения информации (свобода слова, право на «взрослый контент»), так и защиту ценностей и норм как основания социального порядка. При этом, учитывая объективную, не зависящую от государства интенсификацию коммуникации (их вариатив-

¹ Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» от 29.12.2010 N 436-ФЗ (посл. ред.). Доступ: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108808/ (проверено 06.03.2021).

ность) и ускоряющиеся трансформации информационно-коммуникативной среды, особого внимания требует именно защита публичных интересов.

Обеспечение информационной безопасности детей является управлением рисками и ослабление факторов риска, включая оценку вероятности риска (калькуляция), оценку эффектов последствий риска, их социальной опасности, определение источника риска и субъекта ответственности – лица, принимающего решение, осуществляющего рискованное поведение в виде действия или бездействия. В случае с опасностью получения вреда детьми от информации лицами, проявляющими рискованное поведение, выступают социальные субъекты, своими решениями, действиями и бездействиями создающие ситуации неопределенности, повышающие вероятность получения ущерба здоровью и развитию детей. Это субъекты, оказывающие влияние на качественные и количественные характеристики потребления ребенком информационной продукции: родители, распространители продукции, государственные регуляторы – органы власти.

Риск получения детьми ущерба здоровью и развитию в связи с потреблением информационной продукции является социальным риском, поскольку проявляется в действиях множества социальных субъектов и его последствия претерпевает все общество. Основным субъектом управления информационной безопасностью детей является государство, призванное обеспечивать публичные интересы через институты государственной власти. С позиций рискологической концепции В.И. Зубкова обеспечение информационной безопасности детей представляется действием социальных институтов, имеющих функции социальных механизмов по оптимизации рисков [Зубков 2003: 38], например институтов государственной власти.

Практика государственно-правового регулирования отношений в области обеспечения информационной безопасности детей рассмотрена на примере трех специально организованных правоприменительных прецедентов.

Анализ правоприменительных механизмов по обеспечению информационной безопасности детей был осуществлен на основе анализа текстов официальных постановлений, уведомлений и ответов, оценки процедуры (технологии) рассмотрения обращений в органы государственной власти по поводу нарушения законодательства о защите детей от информации. Правоприменительные прецеденты были специально организованы путем обращения в органы власти по поводу нарушения требований законодательства о защите детей при распространении видеопроизведений на телевидении и книжной продукции, демонстрации зрелищного мероприятия.

Видеопроизведение. Телевидение. Обращение с жалобой на деятельность телекоммуникационной компании (провайдера), предоставляющей населению услуги интерактивного телевидения, и ее рассмотрение компетентными органами обусловлено следующим. При подключении услуг телевидения договор на оказание услуг определил доступ к пакету телеканалов, исключаящему «взрослые» телеканалы. Однако оператор связи (провайдер) предпринял маркетинговые меры в виде открытия новым абонентам в течение 14 дней доступа к каналам эротического содержания. Эти каналы были доступны независимо от тарифного плана, их исключаящего и оговариваемого в договоре. Несовершеннолетний ребенок 11 лет при переключении каналов столкнулся с запрещенной для него информацией.

Таким образом, последствия риска в виде потребления ребенком вредной для него информационной продукции наступили. Создание ситуации риска, состояния неопределенности осуществлено провайдером через открытие доступа к запрещенному для детей контенту и несоблюдение условий дого-

вора. Рисковое поведение выразилось в форме действия и было обусловлено получением провайдером прибыли от данной маркетинговой меры, направленной на стимулирование потребительского спроса на расширенный пакет каналов, который включает «взрослый контент». Данный маркетинговый ход был адресован аудитории, имеющей специфические медийные потребности, отклоняющиеся от нормальных, т.е. аудитории, проявляющей девиантное медиапотребление. Оценка риска получения детьми данной информации самим провайдером проигнорирована.

Жалоба на действия оператора связи была направлена в соответствующее ведомство, а также должностным лицам законодательных органов власти как регионального, так и федерального уровня. Резюмируя ответы на обращения в органы исполнительной власти, регулирующие данную сферу (Роскомнадзор, Министерство культуры, а также надзорный орган прокуратуры), можно констатировать, что оснований для привлечения к ответственности провайдера они не нашли. Поскольку услуги связи оказываются на основании договора, а договор предусматривает возможность для абонента самостоятельно ограничить доступ к услуге путем смены пароля, ответственность за наступление рискованного события – получение ребенком вреда – лежит на абоненте.

Государственный регулятор считает, что «при пользовании услугой “Интерактивное телевидение” абонент обязан контролировать пользование услугой проживающих с ним лиц, включая детей», поскольку услуга предусматривает невозможность совершения детьми действий по подключению каналов либо просмотру фильмов категории «для взрослых». Обобщенные ответы на жалобу в органы представительной власти (региональное отделение политической партии) можно свести к тому, что контрольная и надзорная деятельность не входит в компетенцию представительных органов власти и в случае нарушения прав гражданину необходимо обращаться за судебной защитой.

В результате рассмотрения этого дела последовательно в суде общей юрисдикции, апелляционной и кассационной инстанции с ноября 2018 г. по апрель 2020 г. в удовлетворении исковых требований о возмещении вреда, причиненного несовершеннолетнему в результате столкновения с запрещенной информацией, транслируемой в свободном доступе оператором связи, отказано.

Суд счел обязанностью абонента перенастройку учетной записи, существующей на основании договора, и «соглашается с мнением ответчика относительно того, что Услуга “телевидение” предполагает, что Абонент контролирует пользование услугой совместно проживающими с ним лицами, включая детей и, соответственно, позволяет предусмотреть невозможность совершения ими действий по подключению каналов либо просмотру фильмов категории “для взрослых”».

Показательным представляется представление суда, что «услуга “телевидение” предполагает контроль абонента по пользованию услугой совместно проживающими с ним лицами, включая детей, и позволяет предусмотреть невозможность совершения ребенком действий по подключению каналов либо просмотру фильмов категории “для взрослых”» и, следовательно, абонент «был обязан принять все меры для ограничения доступа к просмотру телеканалов. Именно с наличием этой возможности суд связывает отсутствие ответственности распространителя.

Представители судебной власти считают, что возможность ограничить доступность каналов влечет обязанность абонента (родителя) это сделать и одновременно снимает ответственность с распространителя. Логический порок этой цепочки заключается в асимметричности самих понятий «возможность» и «обязанность». Возможность не может означать обязанность

ею воспользоваться, это лишь вариант поведения. Следуя такой искаженной логике, существование возможности, например, подключения к смартфону, которым пользуется ребенок, программы «родительский контроль» обуславливает обязанность родителей подключить эту платную услугу, а невыполнение этой обязанности должно влечь юридическую ответственность родителя. Расширительное толкование возможности абонента как обязанности ограничить доступ к пользованию услугой связи, им приобретенной, которая, по сути, означает имущественное право на приобретенный объект, означает искаженное понимание публичных функций по обеспечению безопасности. Публичные интересы в обеспечении состояния защищенности детей от информационных угроз, таким образом, уходят в область частных договорных отношений. Ответственность абонента связана с переходом к нему компетенции распространителя в порядке преемства прав путем приобретения услуги, которое можно рассматривать как делегирование обязанностей и ответственности распространителем абоненту (приобретателю информационной продукции).

Порочность смещения публичной ответственности (например, административной) в частную (имущественную), которая продемонстрирована позицией органов власти в данном случае, заключается в ущербности интерпретации риска получения ребенком вреда от информации как социального риска, отсутствие оценки социальной опасности последствий, неправильном определении субъекта рискованного поведения.

Само существование ситуации социального риска получения ребенком вреда от столкновения с запрещенной для него информацией понимается органами власти как сфера ответственности родителей, что вовсе лишает смысла законодательство о защите детей. Если только родители ответственны за доступ своих детей к информации и обязаны использовать возможности его ограничения, то установленные в законе меры ограничения оборота информации (маркировка, временной водораздел, организация ограничения доступа к зрелищному мероприятию, требования к упаковке) утрачивают смысл. Поскольку родители самостоятельно обязаны оценивать вероятность и степень вреда и ограничивать доступ своих детей к ней при необходимости, административная ответственность, установленная законом для распространителей, теряет значение. Однако в условиях роста и накопления девиаций в информационном пространстве, размывания социальных норм в медиапотреблении, снятия табу с определенных видов контента это практически неосуществимо.

Зона риска в создавшейся ситуации обусловлена противоречием публичных интересов в информационной безопасности детей и сугубо экономических интересов медиаиндустрии, предпринимающей такие маркетинговые меры, которые непосредственно создают угрозу ущерба. Государство, допуская правомерность такого поведения субъектов медиарынка, спускает ответственность за получение детьми вреда на родителей (абонентов) как делегированных распространителей, рассчитывает на их активность и бдительность, в некотором смысле – на недоверие к оператору связи даже при указании конкретного перечня каналов в договоре, которое само по себе уже можно рассматривать как обеспечение информационной безопасности проживающих с абонентом детей. Оператор связи как субъект медиарынка, напротив, временно открывая доступ к просмотру каналов «для взрослых», надеется на бездействие абонента, на то, что он случайно столкнется с этой продукцией и она заинтересует его. Это признается провайдером не как несогласованное расширение перечня каналов, т.е. нарушение договора, но как бонус и лояльность к клиенту. Доступность к большому количеству информации рассматривается как благо независимо от ее качества.

Таким образом, явно обнаруживается коллизия существующих законодательных норм и механизма их интерпретации и применения органами государственной власти. Поскольку родительская обязанность не может основываться на договоре, а лишь на законе, то вменение обязанности использовать механизмы (программы, техсредства) родительского контроля во всех случаях, предполагающих такое использование, неправомерно. При отсутствии законодательного закрепления этой обязанности (необходимого на сегодняшний день), обеспечение потребности общества в информационной безопасности детей находится в сфере публичных правоотношений. Обеспечение информационной безопасности есть публичная обязанность государства, а нарушения в этой сфере влекут публично-правовые санкции, как, например, за административные правонарушения. Смещение публичной ответственности распространителя к частной ответственности сторон договора означает искажение представлений о пределах социальной ответственности.

В широком смысле это означает не просто неэффективность мер по снижению риска, но и создание рисков ситуации через бездействие органов власти.

Зрелищное мероприятие. На примере второго правоприменительного эксперимента проведен анализ механизма государственного обеспечения информационной безопасности детей при публичной демонстрации зрелищного мероприятия. Зрелищное мероприятие, имевшее название «Чемпионат по стриптизу», проводилось без применения мер ограничения доступа детей. При этом возрастной маркировкой, присвоенной организатором мероприятия, стала непредусмотренная законом «21+». Афиши зрелищного мероприятия содержали изображение, запрещенное для детей, и были выставлены на улице в виде отдельно стоящих конструкций (сити-формата) и плакатов для обозрения неопределенного круга лиц, включая детей.

Жалоба на эти факты была направлена в региональную прокуратуру, откуда была перенаправлена в специализированное контролирующее ведомство. В ответе на жалобу контролирующий орган указывает на отсутствие возможности установить обстоятельства правонарушения и на то, что «представленные копии афиши и рекламного флаера не содержат неправильного (заниженного) возраста, так как знак информационной продукции находится в категории запрещенной для детей».

Региональными органами прокуратуры для проведения проверки материалы жалобы были направлены в муниципальный отдел полиции, откуда поступил ответ об отказе в возбуждении уголовного дела в связи отсутствием возможности установить факт нахождения несовершеннолетних лиц на данном мероприятии и отсутствии других жалоб и заявлений, а «общественный порядок грубо нарушен не был». При этом сотрудники полиции в ходе опроса директора организации, в помещении которой проводилось мероприятие, факт проведения данного мероприятия на систематической основе подтвердили. Факт распространения афиш выпал из внимания правоохранителей. Позицию Министерства культуры РФ можно свести к следующему: «у ведомства отсутствуют полномочия по рекомендациям исполнителям мероприятий, и основная ответственность за соблюдение этических норм лежит на самих организаторах и исполнителях». Также отмечается, что «в последнее время заметно участились обращения с требованиями запретить те или иные выступления, вызывающие у многих наших сограждан резкое неприятие». Отмечается возможность заявителя обратиться за экспертизой зрелищного мероприятия.

Обобщая доводы, изложенные контролирующими ведомствами и надзорным органом, можно заключить, что при анализе материалов жалобы были, во-первых, допущены логические ошибки в толковании нормативных поло-

жений – интерпретация маркировки «21+» как знака информационной продукции вопреки отсутствию такого знака в перечне знаков информационной продукции, установленных законом; во-вторых, пересылка жалобы от одного госоргана другому и обратно свидетельствует о незнании, растерянности и неуверенности должностных лиц в собственных полномочиях и косвенно указывает на пробелы в нормативном определении их компетенции; в-третьих, отсылка должностных лиц к необходимости применения заявителем мер частноправовой защиты в суде, в т.ч. при помощи экспертизы (к слову, платной), указывает на искажение в представлениях о степени общественной опасности риска.

Поскольку деяния с высокой степенью общественной опасности должны предусматривать публично-правовую ответственность, ущерб здоровью и развитию детей не осознается представителями государственного регулятора как имеющей социальное значение, а риск получения ущерба в виде возможности присутствовать на мероприятии или увидеть афишу не оценивается как социальный риск.

Требования к наличию других свидетелей, факт занижения возрастной категории мероприятия представляются намеренным препятствованием установлению вины и привлечению к ответственности, а также могут косвенно указывать на коррупционный характер отношений.

В целом, рассогласованность действий органов исполнительной власти и правоохранительных органов, отсылающих к компетенции друг друга, прямое указание на отсутствие государственного регулятора в области демонстрации зрелищных мероприятий, указание на возможность обратиться за судебной защитой в частном порядке во всех ответах ведомств свидетельствует о бессилии государственных органов в защите детей от информации, распространяемой в форме зрелищных мероприятий.

Печатное издание. В Министерство просвещения РФ в марте 2019 г. была направлена жалоба на несоответствие содержания учебника по английскому языку требованиям законодательства о защите детей в связи с наличием контента, не соответствующего присвоенной категории учебника «12+». Данное печатное издание содержало изображение афиш и описание кинопродукции, уже имеющих возрастную маркировку – запрещено для детей «18+». Изображение афиш фильмов так же, как и сами фильмы, предлагалось посмотреть и описать на английском языке. В ответ на обращения государственный регулятор в сфере общего и среднего профессионального образования пояснил, что федеральный перечень учебников, к которому принадлежит обжалуемый учебник, формируется в соответствии с рекомендациями Научно-методического совета по учебникам Минобрнауки России. Порядок формирования федерального перечня учебников изменен только в феврале 2020 г. До того проведение экспертизы учебников осуществлялось за счет издательств, при этом учебник поступал на экспертизу вместе с рецензией от того же издательства.

Другой регулирующий орган в ответе на жалобу указывает на отсутствие правомочий рассматривать вопросы, связанные с соблюдением требований при выпуске книжной продукции, при этом отметив право заявителя самостоятельно обратиться к экспертам и (или) экспертным организациям для проведения экспертизы на договорной основе для доказывания факта несоответствия учебника возрастной маркировке.

Обобщая доводы рассматривающих жалобу исполнительных органов, необходимо указать на ставший обычным механизм снятия ответственности путем переложения бремени всестороннего и глубокого анализа жалобы на экспер-

тов, общественные организации и советы, а также судебные органы. Иначе говоря, для обжалования использования учебника в общеобразовательных школах необходимо обратиться за экспертизой и за судебной защитой в частном порядке, используя все инструменты социального контроля.

Как и в предыдущем примере, значение предмета обжалования намеренно смещается государственными регуляторами от публичного к частному, занижается или игнорируется социальная опасность.

Из сказанного выше можно сделать следующие выводы.

Неустойчивость социального консенсуса вокруг проблемы информационной анонии и в целом необходимости сохранения норм в публичном информационном пространстве сказывается на представлениях о самом существовании патологии медиापоведения как таковой. Как показал анализ правоприменительной деятельности, интересами, обуславливающими возникновение данного риска, выступают коммерческие интересы субъектов медиарынка, которыми опосредуются и специфические медийные интересы (девиации в медиапотреблении) лиц, ответственных за воспитание детей, которым при приобретении информационной продукции в виде заключения договора или совместном использовании продукции делегируется ответственность распространителя. Современное российское законодательство никак не затрагивает складывающиеся правоотношения между распространителем информации и абонентом по поводу распределения риска получения детьми ущерба, нормативно не регулируется ответственность при делегировании риска абоненту (родителю).

Коллизии государственной политики в области защиты детей от информации вызваны такими проблемами правоприменительного механизма, как 1) отсутствие технологии коммуникации по поводу риска получения детьми ущерба от информации (многократная пересылка обращения от одного ведомства другому); 2) ущербность логической интерпретации текста нормативных положений и договорных установлений (понимание возможности как обязанности, расширительное толкование знака запрещенной для детей продукции); 3) установление родительских обязанностей, не предусмотренных законом; 4) смещение ответственности в публичных отношениях в зону частных отношений и частноправовой защиты, имеющей компенсаторный (имущественный) характер.

Анализ «испытаний» механизма реализации государственной политики в области информационной безопасности детей раскрыл недостаточность ресурсов государства как гаранта социального порядка, выявил пренебрежение рискогенными факторами информационной среды развития ребенка, вызванное как недостатком квалификации должностных лиц, ошибочно интерпретирующих факты, так и проблемы институционализации информационной безопасности детей и в нормативно-правовом, и в организационном, и в социально-культурном аспектах.

Деятельность государственного аппарата по реализации мер защиты детей от информации не минимизирует риски получения детьми вреда, но, напротив, сама становится фактором риска и в целом объективирует проблему доверия к государственной власти. Признание того, что коммерческие интересы при распространении информационной продукции направлены на экспансию анонии и девиации и противоречат интересам государства в сохранении социального порядка, влечет необходимость регулирования медиарынка для предупреждения уязвимости общества, повышает значение социального контроля, активизацию родительской общественности, структур гражданского общества, заинтересованных в вопросах защиты детей.

Список литературы

Владимирова Т.В. 2016. *Обеспечение безопасности в условиях информационной нестабильности общества*: дис. ... д.соц.н. Красноярск. 300 с.

Елфимова О.С. 2013. Социологический аспект понятийного оформления сущности безопасности. – *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. № 6. С. 51-56.

Зубков В.И. 2003. *Социологическая теория риска*. М.: Изд-во РУДН. 230 с.

Кравченко С.А. 2014. «Нормальная аномия»: контуры концепции. – *Социологические исследования*. № 8. С. 3-10.

POLYANINA Alla Kerimovna, *Cand.Sci. (Soc.)*, Associate Professor of the National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (bld. 1, 23 Gagarina Ave, Nizhny Novgorod, Russia, 603950); Associate Professor of the Samara State University of Railway Transport (3 Komsomol'skaya Sq, Nizhny Novgorod, Russia, 603011; Alker@yandex.ru)

STATE PROTECTION OF CHILDREN FROM HARMFUL INFORMATION: ANALYSIS OF THREE LAW ENFORCEMENT PRECEDENTS

Abstract. *The article deals with the effectiveness of public authorities in ensuring information security of children. The author analyzes the texts of resolutions and official responses to complaints about violations of the legislation on the protection of children in the turnover of three types of information products: video products, entertainment events and printed products. Three law enforcement precedents were organized in order to obtain official texts. The author introduces the concept of delegated responsibility of parents and persons replacing them for causing harm to children. The article emphasizes the conflict between the state guarantee of economic freedom of media market subjects and the priority of children's interests in healthy development.*

Keywords: *children's information security, deviant media behavior, anomie, freedom of information, children's media security, social risks*